

12+
ИСХОД

Э.Григ-Арьян

Э. Григ-Арьян

Исход

«Издательские решения»

Э. Григ-Арьян

Исход / Э. Григ-Арьян — «Издательские решения»,

Город просыпается в густом тумане и пугающей тишине, лишенной привычных звуков жизни. Все животные — от диких зверей до домашних любимцев — исчезли без следа. Миски полны, но питомцев нет. Это не просто пропажа. Это — Исход. Зоолог, профессор Воронцов, первым ощущает леденящий ужас этой аномалии. Его кот Барсик исчез, и Профессор знает: произошло нечто беспрецедентное. В то время как власти растеряны, полиция перегружена, а наука молчит, Воронцов настаивает: животные не сбежали. Они ушли.

© Э. Григ-Арьян

© Издательские решения

Содержание

Исход	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Исход

Э. Григ-Арьян

© Э. Григ-Арьян, 2026

ISBN 978-5-0071-3466-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Исход (Философская притча)

I

Над городом, еще не пробудившимся от тягучего сна, нежным, но властным объятием распростерлась густая, осязаемая молочная пелена. Созданная из самой субстанции миновавшей ночи, она, не желая уступать владения наступающему дню после неистовых, бичующих ливней, растворилась в воздухе, окрашивая его в призрачные, перламутровые оттенки и придавая всему вокруг неземную, приглушенную фактуру. Воздух, насыщенный влагой и тяжелый, словно свинцовое покрывало, нес густой, землистый аромат мокрого асфальта, смешанный с озоновой свежестью после грозы. Плотный, ощутимый запах обволакивал легкие и душу, предвещая не просто начало нового дня, но его глубокое изменение. Ибо истинная странность, пронзающая до самого сердца, таилась в полном, первозданном молчании, окутавшем город гробовой тишиной.

Не доносилось привычное, дерзкое чириканье воробьев — крошечных разбойников, с нахальным упорством рассаживающихся на влажных от росы подоконниках, неумоимо выпрашивающих крохи, или же, бесцеремонно порхая, устраивающих утренние перебранки на ветвях, еще отягощенных каплями дождя. Не раздавался и низкий, рокочущий бас соседской овчарки, обычно встречавшей рассвет хриплым, но верным голосом, древним стражем, пробуждающимся вместе с солнцем, дабы возвестить о наступлении нового витка бытия. Ни единого, даже приглушенного мяуканья не выплывало из таинственных глубин подвалов, обычно хранящих в полумраке безмолвные, но яростные кошачьи схватки за призрачные владения, оспаривающие каждый теневой уголок. Лишь меланхоличная дробь редких, тяжелых капель, срывающихся с промокших насквозь крыш, подобно слезам небес, оплакивающих ушедшую ночь, да нежный, едва слышный шелест мокрых листьев, трепещущих на ветру, создавали жуткую, тягучую симфонию пустоты, звучащую рекемием по потерянному рассвету, погружая все сущее в глубокое, философское оцепенение.

В святилище своих лет, в обители, где каждый предмет отражал вековую мудрость, а воздух, пропитанный ароматом старой бумаги и незримой пыли, хранил шепот ушедших дней, пробуждался Профессор Воронцов. Его облик, сформированный нитями времени, воплощал мозаику бытия: волосы — серебряные пряди, разметанные сном, — обрамляли чело, а вокруг глаз-озер, углубленных бесчисленными раздумьями, залегли морщины — безмолвные свидетели неустанной работы мысли, придавая взгляду тень неизбывной меланхолии. Он, зоолог и жрец невидимого храма природы, жил в неразрывном единстве с миром живых существ, безмолвным страданием и радостью, ощущая это соседство каждым волокном своего существа и отзываясь эхом на их незримый зов.

Обычно, с первыми, еще робкими касаниями рассвета, его пробуждал Барсик — воплощение грации и самодовольства, с огненной шерстью и глубокими янтарными глазами, таившими древнюю мудрость кошачьего рода. Мягкие лапы, скрывающие острые коготки, танцевали по шелковистой глади одеяла, требуя внимания; затем следовало нежное прикосновение влажного носа к щеке, а при игнорировании — мощный, настойчивый призыв, сотрясавший утреннюю тишину, возвещавший о неотложной потребности в пище. Но ныне... воцарилась тишина. Их отсутствие было абсолютным, давящим, незримым покрывалом, окутавшим мир. Приоткрыв веки, поднимая тяжелые занавеси, Профессор узрел окружающее, омытое призрачным сиянием — солнечный луч, сам по себе нереальный, невесомый, созданный из чистого эфира, пробивавшийся сквозь молочную пелену тумана, рисовал бледные тени. Рука, при-

вычно ищущая теплого, мурлыкающего кота, потянулась к пустоте, и та отозвалась в душе эхом, предвещая нечто необычное.

— Странно... очень странно, — пробормотал Воронцов, голос лишь подчеркивал окружающее безмолвие. Медленно, как древнее изваяние, профессор поднялся, и каждый сустав, повинаясь велению времени, откликнулся еле слышным скрипом, нарушая девственную тишину комнаты. Кухня, обычно наполненная утренними звуками — звоном посуды, шорохом шерсти, предвкушающим завтрак, — ныне хранила гробовое молчание. Не было ни единого шороха, ни малейшего движения, лишь пустота, осязаемая, заполнившая пространство, где Барсик, маленький царь, ждал своей дани, помахивая хвостом — верным маятником кошащего нетерпения.

Тревога, незваная гостья, поначалу легкое дуновение, едва ощутимое на периферии сознания, начала нарастать приливной волной, поднимающейся из глубин неизведанного, окутывая душу холодными, липкими объятиями. Шаги его, приглушенные ковром, были единственными звуками в замершем пространстве, когда он приблизился к окну, и тяжелая бархатная штора, поддавшись его руке, неохотно отступила, открывая взору окружающий пейзаж. Город, чей вечный пульс никогда не умолкал, даже в предрассветные часы, был ныне погружен в глубокое, всеобъемлющее молчание; жизнь отвернулась от него. Молочная пелена тумана, саваном окутывающая горизонт, растворяла очертания привычных зданий, превращая их в бесплотные силуэты, в миражи, скользящие на грани бытия и небытия. Профессор прищурился, пытаясь пронзить взглядом серые, непроницаемые дали, растворившие каждый привычный ориентир в зыбкой неопределенности. Ни единой трепещущей тени на электрических проводах, обычно усеянных живыми гирляндами воробьев и ласточек, чей звон колокольчиками разносился в утреннем воздухе; ни одного голубя, важной поступью вышагивающего по карнизу соседнего дома, ни одного стремительного стрижа, рассекающего небесный свод пронзительным криком. Лишь пустота — безграничная, всепоглощающая, холодная, зияющая рана в сердце мироздания.

Мысль, ледяной шип, пронзила его сознание: «Неужели ночь, безмолвная чародейка, похитила у меня слух, погрузив меня в вечную тишину?» Он медленно повернул голову, пытаясь уловить малейший отзвук, прислушиваясь к пульсации собственного тела, к шепоту крови в венах. Нет, слух его был жив: он различал тонкий, едва уловимый звон в ушах, вечное, размеренное тиканье старых напольных часов, подобно сердцу дома, отсчитывавших мгновения в коридоре, и даже собственное дыхание, легкое, но отчетливое, нарушавшее торжественность безмолвия. Но мир за границами его жилища, чье живое дыхание было для него самой сутью бытия, — все замерло. Замерло в вечном, недвижимом молчании; остановилось само время, и нити жизни оборвались. Его зоологический инстинкт, голос древней мудрости, вопиющий из глубин подсознания, отчаянно отвергал реальность, ибо природа, великая мать, не ведает пустоты. Происходящее было противоестественно, чуждо самому мирозданию, попирало незыблемые законы бытия, зиждившиеся на вечном круговороте жизни. И сердце профессора, чувствительный камертон души, сжалось в предчувствии ужасного, непоправимого, предрекая наступление эпохи, низвергающей привычный порядок вещей и ставящей мироздание на порог великой, неизбывной метаморфозы.

Мелодичный перестук каблучков Елены, серебряными каплями разбивавшийся о влажный асфальт, отзывался неестественно громким эхом в утробе города, еще не пробужденного к привычной какофонии бытия. Она, молодая, амбициозная журналистка, спешила навстречу новому дню, но каждый ее шаг глубже погружал в безмолвие, окутавшее улицы древним заклятием. Привыкшая к неумолчному хору мегаполиса — к утробному гулу машин, к обрывкам звуков, подхваченным ветром, к резким крикам торговцев на рынке, к бесконечному фону человеческой жизнедеятельности, — ныне девушка ощущала лишь гнетущую пустоту. Город-оркестр, обычно гудящий тысячами голосов, замер, затаив дыхание, объятый пеленой тайны.

Каждый шаг пробуждал дремлющие тени, откликаясь приглушенным эхом от мокрых, безмолвных фасадов зданий, высившихся древними исполинами. Высокий, стройный силуэт, с волосами цвета воронова крыла, стянутыми в строгий узел, источал неукротимую волю и жажду свершений, устремленных в неизведанную даль. Однако непривычная, осязаемая тишина, невидимой паутиной окутывала сознание, нарушая привычный пульс внутреннего метронома, сея в душе зерна необъяснимого раздражения. Ее мысли, подобно заблудившимся мотылькам, металась между прагматичными объяснениями: ранний час или плотная вуаль мглы, чьи невесомые капли, крошечными жемчужинами оседая на бархате ресниц, вынуждали прищуриваться, размывая контуры реальности. «Лишь сон окутал мегаполис», — шепнул разум, пытаясь укутать ее в тепло логики, как в легкий плащ, пропитанный утренней прохладой. Душа героини, чуждая мистическим вихрям и паническим течениям, всегда искала в хаосе бытия строгий порядок причин и следствий.

Внезапно, словно эхо из иного мира, в кармане плаща Елены пробудился телефон, его вибрация, столь привычная, ныне стала тревожным пульсом, возвещающим о вторжении реальности. На экране высветилось имя — Сергей Петрович, редактор, вечный страж редакционного хаоса.

— Да, Сергей Петрович, — ее голос, несмотря на внутреннее беспокойство и легкую сонливость, прозвучал нарочито бодро, поднеся холодный пластик к уху. — Еду. Скоро буду на месте.

— Что там у тебя необычного? — Тон редактора прозвучал привычно сухим и деловитым, не терпящим отлагательств.

Елена, повинаясь инстинкту, окинула взглядом окружающее пространство. Туман, прозрачным океаном, клубился, поглощая резкие грани зданий, растворяя их в молочной бесконечности. Улица, обычно пульсирующая жизнью, ныне зияла опустошением, словно выпотрошенная сцена после завершения драмы. Ни одного силуэта, ведущего верного пса на утреннюю прогулку, ни одного атлета, бросающего вызов рассвету.

— Что-то необычное? Ну, кроме дыма и... — она запнулась, пытаясь облечь ощущение в слова, — да, безмолвия. Город еще спит. Или слишком рано.

В ответ из трубки донесся короткий, отрывистый смешок, лишенный всякой искры веселья, будто скрип старой, давно забытой пластинки.

— Безмолвие? В нашем-то городе? — Редакторский голос оставался невозмутимым, высеченным из камня. — Не выпалась, Лена? Выпей кофе, взбодрись. Жду тебя через двадцать минут. У нас сегодня важный материал.

Елена, машинально кивнув в невидимую пустоту, повторила про себя его слова: «Не выпалась». Однако взгляд журналистки, словно пойманная птица, замер на опустевшем сквере, где обычно кружились голуби, живые осколки неба, их воркование — неотъемлемая часть городского хора. Ныне же там царила полная безжизненность: ни единой живой души, ни единого пернатого создания, лишь мокрые, заплаканные скамейки и голые, скрюченные ветви деревьев, с которых тяжело падали капли, разбиваясь о сырую землю. И вмиг раздражение, тонкой струной, оборвалось, уступая место холодному, необъяснимому дискомфорту, медленно, но верно расползавшемуся по душе Елены, предвещая нечто большее, чем раннее утро.

В то же самое время, в другом конце города, окутанного туманной пеленой, Александр Воронцов ощущал гнетущую, незримую тяжесть на могучих плечах, которые прежде расправлялись с утренней бодростью, подобно парусам, наполненным ветром нового дня. Она оседала на них пеплом давно потухшего огня. Он замер посреди обширной кухни, кафельные плиты которой зеркально отражали лишь пустоту. Прежде ее одухотворял пушистый, наглый, безмерно любимый огненный сгусток жизни — Барсик. Каждое его появление превращало обыденность в живое и теплое.

— Барсик? — голос, еще не освободившийся от сонной хрипотцы, одиноким колоколом пронзил нависающую, чужеродную тишину квартиры. Она отвечала лишь собственным, едва слышным эхом, возвращавшимся призрачной тенью его имени, не находящим отклика.

— Кис-кис-кис! — повторил он, вкладывая в привычный зов всю надежду на разрушение зловещей пустоты.

Как правило, в ответ на ритуальный призыв, воздух наполнялся ленивым, неизменно уверенным «мяу», предваряющим нежный топот крошечных лап. Звук, возвещавший приближение домашнего божества, появлялся из ниоткуда, начиная ласково тереться о ноги, требуя утренней дани. Но сегодня, вместо привычного оркестра кошачьих звуков, царила глухая, оглушающая бездна молчания, поглощающая все надежды. Лицо Воронцова омрачилось глубокой складкой беспокойства. Загипнотизированный, он приблизился к миске. Вчерашний корм лежал нетронутым, застывший под стеклянным колпаком времени. Лоток, машинально проверяемый им каждое утро, был девственно чист, не храня ни единого следа присутствия, ни малейшего отпечатка жизни.

Взгляд, пойманной птицей, метнулся к балконной двери, приоткрытой предательским проемом, выпускающим в квартиру легкий флер утренней сырости. Щеколда, надежно служившая стражем от ночных странствий Барсика, была откинута, невидимой рукой распахнувшей путь в неизвестность. Однако он, истинный домосед, оберегавший тепло и уют, никогда не покинул бы убежище в столь промозглую, окутанную туманом предрассветную пору, пока мир спал под покровом влажной прохлады. Это было не в его характере; шло против самой его сути, нарушая незыблемый закон бытия.

«Он укрылся, играя в любимую, ныне неуместную игру?» — промелькнула мысль, последним лучом надежды сквозь нарастающую тьму осознания. Воронцов отлично знал: его питомец, существо социальное, не выдерживал долгих уединений, особенно при священном ритуале утренней трапезы. Он начал бесцельно скитаться по квартире. Взгляд, луч прожектора в темноте, шарил под кроватями, за тяжелыми складками штор, в темных утробах шкафов. Шаги, ранее размеренные и полные уверенности, теперь становились лихорадочными, отбивая нервный, учащенный ритм, эхом отзывающийся в груди. Сердце, пойманная птица, билось в предчувствии беды. Каждая пустая комната, каждый нетронутый уголок, каждая ненайденная тень Барсика углубляли бездну тревоги, разверзающуюся в его душе, оставляя после себя жгучий привкус отчаяния.

Окончательное осознание растворившегося в небытии кота, миражом накрывшее его волной ледяного ужаса, заставило Воронцова, не глядя, накинуть куртку поверх домашней футболки и вылететь на лестничную площадку. Как правило, в привычный час, воздух был наполнен мелодичным лаем соседских собак, ведущих своих хозяев на утреннюю прогулку, либо доносилась игривая возня за закрытыми дверями, предвестница нового дня. Но сегодня царствовала абсолютная, звенящая тишина, поглощающая все звуки бездонной пропастью. Он замер, прислушиваясь, но не уловил ни малейшего шороха, ни единого отзвука жизни. Весь подъезд, весь огромный дом погрузился в глубокий, противоестественный сон, не имеющий пробуждения.

Спустившись на улицу, он оказался во власти тумана, живым существом обволакивающего его со всех сторон, проникающего под легкую одежду, заставляющего ежиться от пробирающего холода и влаги. «Шарик, верный спутник из квартиры напротив, или Пушок, белоснежная болонка с третьего этажа, вышли на привычную утреннюю прогулку, нарушив зловещее безмолвие?» — крошечная, мерцающая искра надежды, угасающим угольком вспыхнула в смятенном сознании. Но двор, прежде оживленный утренней суетой, зиял леденящей пустотой. Ни одного знакомого силуэта на поводке, ни единого отзвука лая, ни малейшего попискивания. Одинокая, скрипучая качеля, медленно и монотонно покачивающаяся на ветру, была призраком давно забытого ребенка, смех и игры которого навсегда покинули мир. Холод-

ный пот, струившийся по спине, несмотря на прохладное дыхание утра, стал ледяным свидетельством нарастающего трепета, превосходящего физический дискомфорт. Стало зловещим предчувствием колоссального, всеобъемлющего изменения, выходящего за пределы обыденности, за рамки постижимого человеческим разумом, перекрывающего мучительное беспокойство о пропавшем коте. Город, привычный, живой, дышащий, ныне превратился в безмолвную, застывшую декорацию. По мановению невидимого дирижера, исчезли все актеры, оставив на сцене его одного, одинокого и потерянного в пугающем безмолвии, ставшем новым, непостижимым языком мироздания.

К моменту, когда Елена, призрак, скользящий сквозь сумеречные лабиринты пробуждающегося, глубоко встревоженного города, достигла порога редакции, улицы облеклись в оживление. Однако не привычный, пульсирующий ритм гудящего улья, а хаотичное, растерянное броуновское движение частиц, лишенных направляющей воли. Фигуры, облаченные в утреннюю дымку, брели медленно, их взгляды, прикованные невидимыми цепями, устремлялись в мерцающие экраны смартфонов, а лица, высеченные из тревоги, являли причудливую смесь недоумения и предчувствия. Воздух, пронизанный еще не ушедшей ночной прохладой, был насыщен шепотом, как шорох осенних листьев, гонимых невидимым ветром, проносащимся между прохожими и несущим обрывки смятения. Елена, с обостренным зрением наблюдателя, уловила мимолетные, глубоко врезающиеся в память сцены: несколько человек с отчаянием в голосах тщетно зывали к незримым спутникам, затем, под тяжестью неосязаемого гнета, опускали головы и ускоряли шаг, унося с собой эхо собственного бессилия.

В стенах редакции, обычно пропитанных размеренным гулом творческого процесса, царил хаос, состоящий из паники и неверия. Телефонные аппараты, обезумевшие птицы, звенели без умолку. Их голоса не несли привычных заказов на рекламные полосы или скупых сводок о городских событиях, они отражали нарастающее смятение. Из каждого кабинета, словно осколки разбитого зеркала, доносились обрывки фраз, исполненных недоумением и страхом:

«Пропали все животные?»

«Тысячи звонков в полицию!»

«Что говорят по новостям?»

Пальцы Елены, несмотря на внутреннюю дрожь, сохраняли привычную точность; она включила рабочий компьютер, и экран, внезапно оживший, озарил пространство холодным светом. Новостные ленты, превратившиеся в калейдоскоп безумия, пестрели заголовками, каждый абсурднее предыдущего, сплетая паутину противоречивой, немыслимой информации:

«Небывалая миграция птиц? Ученые в недоумении!»

«Вспышка неизвестного вируса среди животных? Власти призывают сохранять спокойствие!»

«Массовый побег домашних питомцев: куда делись кошки и собаки?»

«Вчера вечером стадо в тысячу голов было на месте! Тысяча голов! Это же не иголка в стоге сена! Как они могли просто... исчезнуть?! Это же миллионы! Миллионы!» — хриплый от ярости и недоумения голос директора крупной скотобойни прорывался сквозь общий гул эфира.

«Да как такое возможно?! Десятки тысяч кур! Десятки тысяч! Из закрытых ангаров, под охраной! Испарились, понимаете?! Испарились! Это же не птицы, это... это весь наш бизнес!» — вторил ему другой, полный отчаяния и бессилия, голос руководителя птицефабрики.

Эти сведения, обрушившиеся на нее, были полны противоречий и вызывающе абсурдны, насмешка над здравым смыслом. Как могла произойти миграция всех животных одновременно по невидимому сигналу? Каким образом мог появиться возбудитель, способный исчезнуть бесследно, не оставив после себя ни единого мертвого тела, ни единого свидетельства разрушительной силы? Или же массовое бегство, организованное незримым дирижером, с волей, движущей миллиарды живых существ? Логический склад ее ума, как древняя крепость, возве-

денная на фундаменте рациональности, отказывался принимать объяснения, отвергая их как чужеродные и невозможные.

Из радиоприемника, стоявшего на соседнем столе, доносился голос диктора, пытавшегося на фоне тревожной, погребальной музыки сохранить хладнокровие. Но интонации, трещины на замерзшей глади озера, выдавали нарастающую панику, проникающую в каждую ноту речи.

«Полиция города получила сотни звонков о пропаже домашних животных. Службы спасения находятся в состоянии повышенной готовности, но пока не имеют четкого плана действий. Призываем граждан не паниковать и сообщать о любых необычных явлениях».

По коже Елены пробежали мурашки, знаменуя глубокое, мистическое осознание. Происходящее превосходило «необычные явления»; было полным, катастрофическим нарушением естественного порядка вещей, невидимая рука вырвала страницу из великой книги бытия. Ее журналистский инстинкт, обычно направленный на беспощадный поиск истины, теперь сталкивался с необъяснимым, потусторонним, выходящим за пределы человеческого понимания. В бездне непознанного таились страх и предчувствие, что мир, известный им, навсегда изменился.

Измученные шаги Воронцова, отголоски уходящего дня, глухо отдавались в тишине опустевшей квартиры. Он переступил порог своего жилища, из которого выветрился сам воздух. После часов тщетных блужданий по лабиринтам безмолвных улиц, где каждый закоулок хранил призрачное эхо надежды на встречу с исчезнувшим Барсиком, он, обреченный странник, механическим движением руки пробудил мерцающий экран телевизора, впустив в тревожную тишину дома новый, электрический пульс.

Стеклянная глубина экрана, ожившая под его пальцами, тотчас разверзла перед ним калейдоскоп тревожных образов, источающих панику. На каждом канале, сменяя друг друга с неумолимой скоростью, мелькали экстренные выпуски новостей, все они состояли из обрывков всеобщего недоумения. Лица дикторов, вылепленные из воска, отражали вселенскую бледность, а их обычно отточенные, уверенные голоса теперь ломались, подобно хрупким ветвям под натиском невидимой бури, едва удерживая мелодию надвигающегося хаоса.

Кадры, проплывающие перед его взором, были наполнены эхом опустевших артерий города, с каждым шорохом, терявшимся в бездне молчания. Силуэты растерянных людей, испещренные печатью растерянности, бродили, подобно теням, потерявшим источник света. Особенно пронзительны были детские личики, орошенные жгучими слезами, судорожно сжимающие поводки-фантомы — нити, оборванные от самой жизни, символы ушедшей нежности, лишь подчеркивая безвозвратность потери, множась в последующих репортажах.

Из динамиков, исторгающих потоки сбивчивых слов, доносились обрывки догадок, тщетно пытающихся объять необъятное.

«...Эксперты предполагают, что причиной произошедшего может быть уникальное атмосферное явление, повлиявшее на магнитосферу Земли...» — прошептал один голос, едва слышимый сквозь нарастающий гул тревоги, пытаясь придать научную форму вселенской загадке.

«...Ветеринары пока не могут дать однозначного ответа на вопрос о массовом исчезновении. Признаков эпидемии не обнаружено...» — добавил другой, его интонация была столь же неуверенной, сколь и бессильной перед лицом небывалого.

«...Представители МЧС сообщают, что по всему городу наблюдается аналогичная ситуация. Просим граждан не поддаваться панике...» — эхом разнесся третий, призыв которого звучал отчаянной мольбой, а не успокаивающим наставлением.

«Не поддаваться панике?» — сдавленный, тяжелый выдох вырвался из груди Воронцова. Проведя изможденной ладонью по спутанным прядям волос, он ощутил нарастающую тяжесть на сердце. Губы его изогнулись в кривой, болезненной усмешке, отражающей всю бездну отча-

яния, разверзшуюся в его сердце. «А что еще остается делать, когда кот, вся живность в городе, а может и в мире, просто... испарилась?»

Мучительный комок безысходности, острым осколком застрявший в гортани, не давал ему дышать полной грудью. Невидимая рука отчаяния, ледяным обручем сжимая горло, лишала возможности произнести хоть слово. Барсик, маленький, пушистый комочек тепла, был для него не просто домашним животным, но и мурлыканьем, наполнявшим дом уютной мелодией. Он являлся и незыблемым ориентиром в бурлящем океане бытия, молчаливым свидетелем дней Воронцова, нитью, связующей с земным, осязаемым миром. Теперь хрупкий, но столь значимый якорь был вырван с корнем, оставив после себя лишь бездонную пропасть, разверзшуюся в груди, и морозное дыхание ужаса, сковавшее душу ледяным, необоримым страхом.

Покинув удушливое чрево редакции, наполненное лихорадочным ритмом тревожных новостей, Елена ступила на мостовую, ища спасения в прохладном объятии внешнего мира, желая растворить в его эфире гнетущую тяжесть навалившихся предчувствий. Сквозь редящую, тающую призрачную завесу утреннего тумана, город обнажал иссеченную временем плоть. Фасады зданий, облаченные в одеяния из серого камня, были теперь безжизненными скульптурами, напрочь лишенными жизненной энергии, прежде наполнявшей каждый их кирпичик.

Ее охватило настойчивое, болезненное стремление найти родственную душу, внутренний камертон, который резонировал в унисон с ее собственным, улавливая диссонанс в привычной симфонии бытия. Ей требовалось подтверждение, зримое свидетельство, что зыбкая грань между реальностью и наваждением была общим, осязаемым кошмаром, способным развеять леденящий страх перед безумием, подступающим к самому порогу сознания.

В поле ее зрения возникла фигура пожилой женщины, выхваченная из безмолвной кинохроники, застывшая у щербатого подъезда, словно окаменевшая статуя скорби. К исхудалой груди, последнему якорю в штормовом море, она прижимала пустой, обветшалый поводок — немой символ утраты, говорящий о безвозвратности. В ее потухших взорах, обрамленных сетью морщин, читалась бездонная, скрытая печаль, изливающаяся из самой ее сути, застывшей слезой, так и не скатившейся по щеке. Из-под наспех повязанного платка выбивались серебряные пряди волос, а пальцы, испещренные прожилками времени, мелко дрожали, выдавая внутреннюю агонию.

Преодолевая невидимый барьер, созданный из нерешительности и предчувствия, Елена, притягиваемая незримой силой, сделала шаг навстречу воплощенной боли. Слова, вырвавшиеся из ее горла, оказались неожиданно резкими осколками льда, нарушившими безмолвие. Она произнесла:

— Извините... вы не заметили, что... тихо сегодня?

Старуха, пробуждаясь от тяжелого сна, медленно подняла на Елену глаза, мутные от невыплаканных слез. В их глубинах, затухающими угольками, тлея неопишуемая боль. Во взгляде не читалось ни тени удивления, лишь бездонная, всепроникающая скорбь, от которой невозможно было отвести взор. Елена, с мистической ясностью, мгновенно узнала в ней отголоски собственного, еще не до конца осознанного, неумолимо нарастающего отчаяния.

Ее ответ, едва слышный шепот, исторгнутый из глубин истонченного естества, прозвучал последним вздохом увядающего лета, слабым ветерком, едва колышущим осенний лист:

— Тихо... да. Все живое замерло...

Пытаясь удержать ускользающую память, она крепче прижала к груди поводок, продолжая монолог с невидимым собеседником:

— Мой Шарик... я проснулась, а его не было. Ни привычного тепла у моих ног, ни его тихого сопения. Утро наступило, а он не пришел. Он исчез... растворился в этой тишине. Никого нет.

По телу Елены, предвестником неизбежного, пробежала судорожная дрожь, вызванная внезапно обрушившимся осознанием, а не пронизывающим утренним холодом. Зримая, неоспоримая реальность разворачивалась прямо на ее глазах, не призрак ее измученного бессонницей сознания, не игра обманчивого света и теней на холсте повседневности. Она касалась не только ее личных страхов, но и всей вселенной, известной ей, сотрясая ее до самых оснований.

В потухших взорах старухи, зеркалах ее души, Елена увидела эхо собственного, еще не до конца оформленного страха, растерянности, обретавшей теперь зримые очертания. Молчание, окутавшее город, превратилось в зловещую, осязаемую сущность, перестав быть лишь отсутствием звуков. Тяжелое, бархатное покрывало, наброшенное на привычную ткань бытия, скрывало за складками нечто необъяснимое, превосходящее всякое человеческое понимание и внушающее первобытный ужас. Стоя под безмолвным небом, Елена ощутила крушение невидимых опор ее существования: ее призвание, ее личная судьба, вся ее вселенная — все необратимо изменилось. Преддверие, пролог к неведомой драме, акты которой еще только начинали разворачиваться на подмостках опустевшего пространства.

II

Гнетущая тишина, поглотившая город, не являлась эфемерным пустоцветом в симфонии мироздания. Она стала живой субстанцией, неуловимой сущностью, просачивающейся сквозь поры кожи, оседающей тяжелой росой на легких, замораживающей в венах течение самой жизни.

Город, некогда пульсировавший, оплетенный тысячами невидимых нитей живого дыхания, застыл, словно древнее насекомое, навеки заточенное в янтарной слезе, погрузившись в оглушительное оцепенение. Тишина, призрачное, вытравленное присутствие звуков, окутывала каждую улочку, каждый фасад. Повседневная, едва уловимая какофония, прежде неосознанно создававшая пеструю канву существования, являлась неотъемлемой частью великой городской симфонии, животворящей партитуры, даровавшей миру объем, глубину и непредсказуемость. Ныне, лишенный струнных и духовых, всех трелей и шорохов, городское звучание свелось к монотонному, бесстрастному гулу машин, обнажая механическую, бездушную сущность отчужденного существования.

И стерильность, жуткая в своей безупречности, пронизывала каждый уголок: парки, некогда оглашаемые радостными беличьими гонками и утиным плеском, теперь зияли томительной пустотой. Их идеально вычищенные дорожки не хранили ни единого отпечатка птичьей лапки, ни малейшего следа обитания. Воздух, лишенный влажного, землистого аромата, некогда смешивавшегося с благоуханием цветущих лип и свежескошенной травы, теперь нес в себе лишь холодный, неопределенно химический, металлический привкус; город выдыхал отравленный вздох. Тончайшая, невидимая вуаль, окутывая пространство, создавала гнетущее ощущение глубокой, пронзительной неестественности, искусственности, веющей призрачным холодом.

Мегаполис, утративший дикую, неистовую душу, превратился в нечто чрезмерно антропоцентричное, довлеющее рациональное, безжалостно выхолощенное из нетронутой, органической связи с природой, издревле даровавшей неисчерпаемый витальный импульс, непредсказуемую красоту и глубинное, сакральное значение. Безвозвратная утрата лишила некогда яркий городской пейзаж живых, трепещущих красок, вырвав из души незримые, абсолютно сущностные ноты, погрузив все в леденящую экзистенциальную пустоту, где эхо прежней жизни усиливало гнетущее молчание.

Отсутствие животного мира, прежде незримого, трепещущего моста, соединявшего людей с девственной дикостью, с глубинными инстинктами, с древним, исконным сознанием

планеты, оставило род человеческий наедине с собственным, дотошно упорядоченным, пугающе предсказуемым и отчаянно одиноким миром. Сгинуло хрупкое чувство умиротворения, прежде рождавшееся в душе при созерцании лениво жмурящейся на солнце кошки или радостно виляющей хвостом собаки, бегущей по опавшим листьям; исчезло само ощущение причастности к чему-то неизмеримо большему, чем скудная, горделивая цивилизация, воздвигнутая лишь человеческими руками. И теперь, в отчужденной тишине, каждый шаг отдавался невыносимой опустошенностью, а каждый взгляд, брошенный на безупречно чистые фасады, отражал невыразимую тоску: мир вокруг стал декорацией, навсегда лишенной жизни.

В самой сердцевине жизни, как отравленная стрела, глубоко вонзился диссонанс, фальшивой нотой отдаваясь в каждой фибре существа. Человек, с биологическими струнами, извечно настроенными на тончайший шепот пробуждающейся листвы, на призывный клич птицы, парящей в бездонной синеве, на бесшумную, мягкую поступь зверя, скользящего сквозь заросли, ныне ощущал себя внезапно оглохшим, ослепшим для одной из фундаментальных, жизнеутверждающих красок мира. Ампутировалось одно из чувств: мир, зримо оставаясь прежним, утрачивал глубинную, многомерную палитру, искажаясь в восприятии, становясь ущербным и порождая в подсознании гложащее, неумолимое чувство неправильности, как нарушенный древний, священный обет.

Присутствие животного мира, даже в его дикой, неукротимой ипостаси, всегда несло в себе отголосок первобытной, непостижимой гармонии, пульсирующей в унисон с ритмами планеты, напоминающей о непрерывности и вечности, о неумолимом жизненном цикле. Их внезапный, зловещий исход ощущался предвестником апокалиптической беды, не просто потерей или опустевшей нишей в великом древе бытия. Он становился немой, пронзительным сигналом глубокого, незримого нарушения фундаментального экологического равновесия, сотрясающего основы мироздания и порождающего в душе необъяснимую, тягучую тревогу, окутывающую сознание непроницаемой пеленой экзистенциальной незащищенности.

Человек — существо социальное и космически взаимосвязанное, с его социальностью, простирающейся далеко за пределы себе подобных, охватывающей все живое, дышащее и чувствующее. Взаимодействие с животными, даже мимолетное наблюдение за их неискаженной жизнью, всегда являлось незримой, прочной нитью, серебряным канатом, привязывающим нас к великому, необъятному полотну мира, снижая напряжение духа, даруя утешение и рождая в сердце безмолвное, древнее тепло. Жизненная пуповина была безжалостно оборвана, разорвана в клочья. Ее отсутствие усилило всепроникающее чувство одиночества, отчуждения от природы и от самого себя, от своей архетипической части, являющейся неотъемлемой, исконной частью природы.

Город, колосс из камня и стекла, преобразился в некрополь, в безжизненную декорацию, мертвую в глубинном, метафизическом смысле. Невидимая, всепроникающая смерть, как ядовитый туман, медленно, неумолимо отравляла, разъедала души безмолвных обитателей. На их лицах, как невидимая тень, легла печать необъяснимой тоски. В глазах застыл немой вопрос, без ответа. Смех, вырываясь из сдавленных грудей, звучал надломленно, искаженно, лишенный искренней радости, превращаясь в эхо былого, в фантомное воспоминание о счастье.

Человек, лишенный фоновой, космической мелодии жизни, органического резонанса, пульсирующего в каждом атоме бытия, ощущал себя одиноким, чужим, пришельцем в собственном мире, запертым в гигантском камертоне, настроенном на одну-единственную, фальшивую, мучительную ноту. Великая симфония, некогда звучавшая во всем многоголосом великолепии, превратилась в монотонный, глухой гул, в погребальную песнь, лишенную всякой надежды, окутанную гнетущей тишиной. Это безмолвие, высасывая смысл из каждого мгновения, как бездонная воронка, приводило к глубокой, всеобъемлющей, парализующей депрессии, делая само существование серым, безрадостным и абсолютно безжизненным, опустошенным до последней, звенящей пустоты.

Дни Александра Воронцова, еще недавно погруженные в академическую рутину зоологии, заполнились безуспешными поисками Барсика — тени, мгновение назад мелькавшей под старинными кроватями и за бархатными шторами. Исчезновение любимого питомца обернулось для него личной утратой, став зловещим предзнаменованием, немой бездной, разверзающейся прямо перед ним, поглощая привычные очертания мира и обнажая его хрупкость. Научный ум Воронцова, древний часовой механизм, привыкший к безупречной логике и нерушимым цепям причинно-следственных связей, ныне метался в судорожной агонии, напрасно пытаясь выхватить из хаоса крупицу рационального объяснения. В пустыне безмолвия, изгнавшей каждый звук, не нашлось ни единого зерна смысла. Леденящий ужас, хищник, подстерегал его в каждом отблеске пустой улицы, в каждом эхе собственного, громкого сердцебиения.

Ужас, переплетенный с острой, болезненной жадой истины, невидимыми связями судьбы вытолкнул его из душевной квартиры, заставляя ступить на порог неизвестности. В лабиринтах смятенного сознания Воронцова, внезапным лучом света в непроглядной тьме, вспыхнула идея о зоопарке — огромном ковчеге, содержащем под замками и решетками дикие души. Если домашние питомцы, верные спутники человека, растворились в воздухе, что же случилось с изначально дикими и свободными, ныне заключенными в искусственные рамки? Мысль, острым шипом пронзившая его сознание, высекла искры решимости, подтолкнув к немедленному действию, ибо бездействие в новом, обезумевшем мире стало самым страшным преступлением.

Одновременно с тем, как судьба профессора Воронцова закручивалась в спираль неясности, невидимой нитью тянулась история Елены. Гонимая совершенно иными, но столь же непреодолимыми мотивами, она тоже не могла более оставаться в стенах квартиры, каждый шорох в которой отзывался эхом ушедшего мира. Острый нюх акулы пера, компас, всегда указывавший на самую сочную сенсацию в бушующем потоке событий, расценил звенящую пустоту, небывалый штиль, как золотую жилу, сулящую лавры, и как глубоко, первобытно пугающее явление, пробуждающее древние, забытые страхи. Что за феномен? Глобальная забастовка всех живых существ, безмолвный протест природы против человеческого господства? Или нечто куда зловещее, еще не имеющее имени в словарях ужаса? Журналистский инстинкт, заточенный до предела, безошибочно подсказывал: там, в городе, где все голоса затихли, каждый шепот поглощен бездной, несомненно, скрывается история века, ждущая своего летописца.

В переломный момент, замороженная Елена застыла на пороге своего подъезда. Ее рука касалась холодной ручки двери, готовая вырваться на волю. Ее взгляд уловил движение: профессор Воронцов. Лицо, высеченное из камня скорбью и решимостью, было маской, скрывающей бурю. Он стремительно, обреченно, скользнул в объятия старенького, но верного автомобиля, с потертыми сиденьями, помнившими бесчисленные поездки. Автомобиль стоял припаркованным, последним островком надежды, у входа, под светом одинокого фонаря, бросавшего длинные, дрожащие тени. В фигуре профессора, в каждом нервном движении, Елена увидела ключ. Он вел к разгадке гробовой тишины, окутавшей мир, и к безмолвной тайне, обещающей перевернуть все представления о реальности. Без единой секунды промедления, без тени сомнения, Елена, ведомая инстинктом и предчувствием, последовала за ним, тенью, брошенной в погоню за ускользающей истиной.

Городская улица, поглощенная густеющим с рассвета туманом, уплотнившимся до осязаемой насыщенности, стала призрачным полотном. Привычные очертания зданий растворялись, теряя грани, превращаясь в зыбкие, расплывчатые силуэты. Сквозь молочную завесу, образованную влажной мглой, Воронцов с трудом различал изгибы дороги. Древняя, первобытная интуиция, незримой нитью, неумолимо влекла его к сердцу аномалии, где реальность была создана из чужих снов. Ни рокота моторов, ни шороха шин, ни торопливого шага пешеходов — лишь слабый, еле слышный шепот ветра, запутавшегося в обнаженных ветвях дере-

вьев, печальным вздохом давно забытого божества. И даже этот звук, столь мимолетный и прозрачный, звучал чужеродным диссонансом в величественном, всеобъемлющем хоре безмолвия. Елена, следуя за ним на небольшом расстоянии, чувствовала, как по спине, овеваемой влажным холодом, пробегает предвестник неминуемого — леденящее прикосновение иного, грандиозного и ужасающего.

Зоопарк. Название, выцветшее под натиском времени, словно старинная надпись на могильной плите, с трудом проступало сквозь клубящуюся пелену над массивными, но распахнутыми воротами, зиявшими подобно пасти древнего чудовища. Ни кассира, дремавшего в будке, ни охранника, стерегущего пост, ни привычного ажиотажа, предшествовавшего входу в мир дикой природы. Врата, словно приглашение в заброшенное царство, стояли нараспашку, маня в обитель, давно покинутую венценосными обитателями. Воронцов, заглушив мотор, вышел из машины. Шаги, гулко отзываясь по влажному асфальту, тут же растворялись в обволакивающей тишине, подчеркивая ее бездонность. Елена, осторожно припарковавшись поодаль, накинула капюшон, укрывший ее от навязчивой влаги, и, двигаясь с предельной осторожностью, пересекла невидимую черту, отделяющую внешний мир от забытого уголка.

Они вошли, и воздух вокруг них тотчас же изменился, став иным, чуждой субстанцией. Обычно здесь, в царстве зверей, витал характерный, ни с чем не сравнимый букет ароматов — терпкая смесь экзотических животных, душистой соломы, влажной почвы и легкого, еле уловимого, но узнаваемого запаха экскрементов, придававший месту уникальную, дикую сущность. Сегодня же царила стерильная, влажная свежесть тумана и сырой, тяжелой земли, запах которой, лишенный привычных акцентов, усиливал гнетущее ощущение бескрайней пустоты.

Первым, приковавшим взгляд Воронцова, был вольтер львов — колоссальное пространство, украшенное могучими деревьями, с ветвями, теряющимися в тумане, и искусственными скалами, имитирующими естественный ландшафт. Но загон был пуст. Ни отблеска золотистой гривы, обычно вспыхивающей в утреннем свете, ни ленивого рычания, сотрясавшего воздух, ни тяжелых, царственных шагов хищника, силуэт которого обычно доминировал над пейзажем. Лишь нетронутый кусок мяса, багровым пятном выделявшийся в центре, забытый кем-то в спешке или оставленный в качестве жуткого подношения. Профессор медленно приблизился к толстым, массивным прутьям клетки, провел пальцами по холодному, неподатливому металлу, ощущая его прочность. Они были целы, замки нетронуты. Отсутствовали признаки взлома или повреждения, не было единой царапины, свидетельствующей о борьбе или победе.

— Невозможно... — прошептала Елена, подойдя ближе. Голос, тонкий и хрупкий, прозвучал громко в звенящей, глубокой пустоте, заставив ее вздрогнуть от собственного эха.

Под сенью свинцового неба, давящего на город своей тяжестью, их шаги, отмерявшие скорбный ритм по мокрым, безлюдным аллеям, были единственным пульсом в замершем мире. Каждый вольтер, подобно зияющей ране на теле бытия, разверзался перед их взором, являя гнетущую, безгласную пустоту. В их обиталищах, прежде наполненных звонким хором и фигурами, подобно живому пламени пляшущими в заточении, теперь царила холодная тишина, усеянная сиротливыми обломками игрушек и потемневшими бананами, висящими, словно последние плоды увядшего рая.

Бассейн тюленей, некогда бывший зеркалом игривой жизни, теперь превратился в недвижную гладь, столь совершенную в своем безмолвии, отражавшую лишь бездонную серость небес, не нарушаемую ни единой рябью, ни дыханием, ни отголоском былой радости, словно само время остановило свой бег, боясь нарушить погребальное спокойствие. Ни единого круга, ни единого пузырька, ни единого признака — лишь мертвенная поверхность, хранящая тайну исчезновения.

В самом сердце центральной аллеи, прежде пульсирующей активностью, Воронцов замер, его взгляд, словно невидимый скальпель, препарировал зияющие провалы небытия. В его глазах отражались невыносимая тоска по исчезнувшему и безмолвный крах всего миро-

здания, созданного из логики и причинно-следственных связей. Он чувствовал, как твердь под ногами обращается в зыбучие пески сомнения, как колонны его научного храма рушатся, погребая под обломками веру в познаваемость бытия.

— Они... они все ушли, Елена, — его голос дрожал, каждое слово вырывалось с неимоверным усилием, обрываясь в безмолвии, словно эхо в пустом колодце. — Не сбежали. Ушли.

Елена, с лицом, подобным лунному лику, бледнее самого тумана, стояла, словно изваяние, высеченное из мглы. Ее сознание, привыкшее к строгим лабиринтам логики, билось в бесплодных попытках осмыслить немыслимое.

— Но как? Львы? Медведи? Невозможно! Кто-то открыл клетки? — ее слова звучали как утверждение, отчаянной попыткой найти хоть какое-то разумное объяснение, бросившей вызов самой реальности.

Воронцов покачал головой, его взгляд, прикованный к пустому вольеру, где некогда обитавшие там цари зверей, теперь блуждал по призрачным стенам, словно ища ответы в немом камне.

— Клетки целы. Замки нетронуты. Ни царапины, ни улики борьбы. Они исчезли. Словно растворились в воздухе.

Он развел руками; в его жесте читалась такая безысходность, что Елене стало не по себе. Она почувствовала, как по ее щекам, влажным от холода, стекают слезы, природа которых — страх ли, сострадание ли, или осознание масштаба космической катастрофы — оставалась непостижимой тайной.

В миг, когда они, словно последние призраки исчезнувшего мира, застыли посреди безмолвного некрополя бытия, осознание обрушилось на них ледяным водопадом, низвергающимся из бездн непознанного — метаморфоза бытия, трансцендентное событие, выходящее за пределы человеческого разума. Весь животный мир, от шелеста крыльев бабочки до величественного рева льва, от нежного трепета птичьего сердца до могучего создания тюленя, растаял, словно мираж, не оставив ни отпечатка, ни тени, ни даже эха былого существования, лишь безмолвное ничто, ставшее надгробным камнем для всего сущего.

Едва тени уходящего дня, несущие эхо глубокой утраты, легли на плечи Воронцова и Елены, вновь ступивших на опустевшие мостовые города, как сквозь плотную завесу официального молчания просочилась тревожная весть о невиданном феномене. Глубокой ночью город, замирая в преддверии беззвездного рассвета, увидел на всех мерцающих экранах мэра Николая Ивановича Ветрова, вынырнувшего из кошмарного сна.

Лицо мэра, обычно расцветенное румянцем самодовольной власти и уверенности, стало восковой маской, испещренной мелкими прожилками страха. Глаза, подобно пойманным зверькам, метались по сторонам, отчаянно избегая гипнотического взгляда безмолвной камеры. На сиротливо мерцающем экране он был уменьшенной, карикатурной копией самого себя. Голос его, обычно громогласно сотрясавший залы заседаний, срывался на неуверенный, писклявый шепот, теряясь в холодной пустоте эфира.

— Дорогие горожане... — начал он. Фраза, заученная мантра, сопровождалась попыткой изобразить улыбку, болезненно искажившую губы в нервную, дергающуюся гримасу — маску трагедии, наложенную на лицо комедианта. — Мы понимаем ваше беспокойство. Действительно, в последние часы наблюдается... дефицит... четвероногих друзей города. — Он запнулся. Неловкая пауза, повисшая в воздухе, была тяжелее молчания: в ней отчаянно блуждала мысль, ища спасительные, но несуществующие слова. — Но я заверяю вас: ситуация под полным контролем. Лучшие специалисты работают над разгадкой удивительного явления.

Затем, как утопающий, хватавшийся за соломинку, он лихорадочно выстраивал версии, одна абсурднее другой. Каждая, точно карточный домик, рушилась под тяжестью очевидной пустоты.

— Возможно, синхронная миграция, вызванная изменением климата. Или... массовая учебная эвакуация, о которой нас забыли предупредить.

Речи мэра, лишённые всякого веса, рассыпались в пыль. На лоснящемся лбу проступили крупные капли холодного пота, предвестники надвигающейся катастрофы. Он бормотал о неких «невидимых силах», проводивших эксперимент, но тут же, спохватившись, поспешно переименовал их в «естественные процессы», пытаясь магией слова укротить разбушевавшуюся стихию неведомого.

Воронцов, одиноко затерянный в безмолвии опустевшей квартиры, где каждый предмет впитал отголоски ушедшей жизни, взирал на мерцающий экран, на пророческий свиток, разворачивающий перед ним картину всеобщего распада. Мэр-марионетка дергался на ниточках боязни. В душе Воронцова поднималось жгучее раздражение, раскаленная лава, переходившее в глухое, метафизическое отвращение. «Ложь», — выдохнул он. Слово, шепотом сорвавшееся с губ, прозвучало в звенящей тишине комнаты приговором. Пальцы, сжимавшиеся в кулаки, побелели от напряжения. — «Глупая, трусливая ложь». Провидец, он прозревал сквозь тонкую завесу показной уверенности градоначальника, ощущая под ней пульсирующий, животный страх, абсолютную растерянность перед бездной неизвестности. Как и все прочие, Ветров был охвачен хаосом. Вместо склонения головы перед величием непостижимого, он, паук, плел липкую паутину небылиц, отчаянно пытаясь удержать ускользающую иллюзию контроля над миром, безвозвратно выскользнувшим из его власти.

Из своей небольшой, но уютной квартиры, Елена, жрица, взирающая на ложные пророчества, наблюдала за экраном с отточенным профессиональным презрением. Губы Елены, обычно изогнутые в иронической усмешке, теперь презрительно фыркнули, изрыгая слова, острые, как осколки льда: «Миграция? Эвакуация? Да даже я, не будучи биологом, понимаю, чушь собачья». Однако под тонкой, защитной коркой профессионального цинизма, подземным источником, пробивалось иное чувство — глубокая, пронзительная тревога, острый коготь, сжимавший сердце, предвещающая неминуемую беду. Если даже призванные быть голосом разума не способны или не желают изрекать истину, то какая неведомая сила вершит безмолвную драму? И кто отзовется на всепроникающий, звенящий хор тишины, невидимой плесенью въедавшийся теперь в каждую фибру городской ткани, изменявший саму ее и превращавший привычный мир в декорации для апокалипсиса?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.